

УДК 82.512.45. "19": [17+111.852]

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Сеферова Ф. А.

*РВУЗ "Крымский инженерно-педагогический университет", г. Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Статья посвящена переводу – своеобразному виду художественного творчества. Сегодня перевод прочно занимает своё место в литературе как вполне самостоятельный и своеобразный вид художественного творчества. Переводческой манере И.Франка, Н.Мирошниченко, В.Ляхевича и других переводчиков антологии крымскотатарской поэзии XIII–XX столетий «Окрушина сонця» (2003) свойственно «отдаление от слов» с целью более верного и глубокого выражения авторской идеи.

Ключевые слова: национальная идиоматика, традиции, восточная лексика, специфические сравнения, художественный перевод.

Постановка проблемы и актуальность избранной темы статьи обусловлена потребностью освещения особенностей поэтического перевода. Реконструкция разных концептов и фрагментов языковой картины мира является предметом исследований таких учёных, как Л.С. Бархударов, В.С.Владимиров, Н.Джусойты, В.Н.Комиссаров, А.В.Фёдоров и многих других. Имеющиеся отрывочные издания и их переводы, осуществлённые переводчиками не были доступны широкому кругу украинского читателя. Благодаря полному поэтическому переводу приведенный на украинский язык предоставлена возможность познакомиться с содержанием антологии крымскотатарской поэзии XIII – XX ст. «Окрушина сонця» («Кунештен бир парча», 2003).

Цель: показать особенности обобщённо-художественной формы поэтического перевода, а также мастерство переводчиков в воссоздании манеры изложения, стихотворной речи крымскотатарских поэтов.

Крымскотатарская литература располагает множеством разнообразных по содержанию больших и малых поэтических сборников, относящихся к различным периодам её развития. Крупнейшей по объёму, своеобразной по композиции, важной по идейному содержанию памятником этой литературы является антология крымскотатарской поэзии XIII – XX столетий «Окрушина сонця» – «Кунештен бир парча» (2003).

В ней представлены поэмы, баллады, стихотворения и опытных мастеров слова, и молодёжи – ищущей, экспериментирующей. Составители: украинский поэт, переводчик Н.Мирошниченко и крымскотатарский поэт, переводчик Ю. Кандым.

В настоящей работе мы хотели бы остановиться на двух главных вопросах, связанных с этим изданием: во-первых, вопросе о том, как переводчики представили «панораму крымскотатарской поэзии за восемь столетий» [1, с.3] широкой массе читателей; во-вторых, на качестве самого перевода антологии «Окрушина сонця».

Произведения, написанные в разные периоды истории крымскотатарской литературы и переведённые украинскими переводчиками, в общей композиции сборника преисполнены определенной идейно-философской направленности и художественной выразительности. Настоящее у крымскотатарских мастеров слова связано с прошлым и будущим, и это временное триединство вырастает в антологии в глобальный образ: по сути, историзм, как важная грань мировосприятия героев, становится мерилем человеческого существования и чётким определяющим между этико-эстетическим и безнравственным.

Переводчики антологии сумели в основном верно воссоздать в формах украинской речи «... ту реальную ситуацию, ту внеязыковую действительность, которая в данном тексте описывается» [6, с.18]. Во многом переводы близки к оригиналу и, отметим, это не «копирование» подлинника, а творческое его освоение. Читатель получил возможность увидеть черты национального характера героев, проникнуть в национальную психологию лирического героя, постигнуть специфический быт крымских татар.

„Так судилося, що Бора Гази Герай Газай – перший поет, з якого Україна почала відкривати для себе світ кримськотатарського красного письменства, – пише Н. Мирошниченко. – Тим зовдячуємо Іванові Франкові, котрий у січні 1915 року написав статтю „Кримський хан Газі –Гірей (1588–1607) і дещо з його віршів”. Франко при цьому користався виданою у Відні книжкою австрійського сходознавця Гамера-Пурстала „Вірші хана Криму”. Взявши відти кілька газелей, звіршував їх українського. І хоч це не переклади, а, скорше, переспіви, проте значення їх – непроминуше” [1, с.10].

Отметим, что большинство газелей Бора Газы Герая – сжатые до упругости образной пружины народные мысли, выраженные в фольклорно-афористичной по типу форме параллелизма, где структурная связь стиливых рядов, сходство или контраст тропов художественно выявляют не только единство композиции, но и целостность идеи. И.Франко весьма ответственно подошёл к поэтическому наследию Бора Газы Герая, к его языку, богатому пословицами, афоризмами: «Проста душа для нас ліпша як простий ріст, Від чорних брів миліший кінський хвіст. До луків тужимо ми все й до гострих стріл, Більш ніж до гарних лиць та до жіночих тіл...» (Кінський хвіст – бунчук, що служил татарам за военний стяг. Прим. І.Франка) («Райте мейль идериз, кьамет-и диль-джю ерине, Тугъа диль багъламышыз – какюль-и хош-бу ерине. Херес-и тиру кеманчыкъмады дильден асла: Навек-и гьамзе-йи диль-дюз иле абру ерине») [1, с. 67].

Нельзя не отметить добротную работу и В.Гримича при переводе поэмы «Млинове коло» («Долаб»), не только бережно сохранившем лексический фонд поэмы, но и передающего то, что называется сенсорным строением его стиха – душевную тональность, сложные оттенки настроения. Посвящая своё произведение сильным мира сего, Бора Газы Герай преследовал цель воздействовать на них: «Урок цей ти, хане, до серця прийми: В цій тлінній оселі лиш гості всі ми. І сам перед світом шануйся, не пнишь, Бо й я над слабкими сміялось колись.» («Сёзюмден ибрет алгъыл сен де, эй, хан, Фелек милькинде варсыз джюмле михман. Гіурур итме сакіін сен де джихана, Гюлердим бен де нидже натувана.») [1, с.79].

Как известно, поэтический перевод по своему характеру обычно носит обобщенный характер. Так, содержание и идея отдельных строк, эпизодов на переводимый язык передается в обобщенной художественной форме. При таком переводе на каждую строку переводимого произведения не всегда соответствует отдельная переводная строка. Переводческой манере В.Куринского (пер. ст. Э. Фазыла «Ойчан денъиз» («Замислене море»), Д.Кулиняка (пер. ст. М. Абляимова «Сагълыкълашмай къачты чечеклер» («Не прощаючись, квіти втекли»)), С.Литвина (пер. ст. Д. Османа «Янгъгызлыкът» («У самотині»)) свойственно именно такое выражение авторской мысли.

Однако Н. Мирошниченко придерживается строгого принципа подстрочного перевода. Ему удаётся найти, возможно, единственно правильный путь при переводе конкретных национальных реалий, передать почти в первозданности некоторые языковые особенности стихотворения Ш. Селима «Чель къадыны» – «Степовичка», как, например, в случае с переводом названия полынь-травы – «ювшан» – «евшан-трава», «къатыкъ» – «катик» (кислое молоко): «Вона – евшан-трава у полі дикім. Що ліпш її сметани та катику?!» («Ювшан киби чельнинь дюльбер накъшыдыр, Сют, къаймагы, **къатыгы** пек яхшыдыр») [1, с. 686]. Благодаря введённому переводчиком внутриконтекстовому пояснению «вона – евшан-трава у полі дикім», появилась возможность адекватного воспроизведения инварианта оригинала, причём, изобразительные элементы перевода и подлинника в функциональном смысле равноценны.

В текстах переводов не раз встречается национальная идиоматика, специфические сравнения, и каждый раз переводчики находят возможность по-разному, но обязательно верно передать, содержание подлинника. Так, при переводе крымскотатарской пословицы «Алмагъан бералмаз, ялмагъан кульмез» в стихотворении Э.Шемьи-заде «Йырларым»- «Мої пісні» переводчик П. Коробчук использовал простой способ калькирования и тем самым добился полной тождественности смыслового звучания и ритмического строя фразы на украинском языке: «А хто не узяв – той оддати не зміг, Хто скорби не знав – не віда про сміх. Якщо з ним ітимуть пісні й почуття, – Ніколи не згасне, хоч в землю він ліг» («Алмагъан бералмаз, ялмагъан кульмез, Яш юрек севгисиз яшавгъа конмез. Ёлунда сизлердей аякъдаш барда, Аяты сёнсе де, ильхамы сёнмез!») [1, с.341].

Традиционный в восточной поэзии жанр миниатюр-апологов широко представлен у Эшрефа Шемьи-заде, разбросанными по книге философскими, аллегорическими четверостишиями, точно и проникновенно переведёнными в основном В. Ткаченко: «**Нехай живе собі століття Змія, котра в мій бік сичить**», Так розмірковує байдужий, Егоїстичний чоловік.» («Манъа тиймеген йылан **Бинъ яшсын**», – деген сёз, Тек озюни ойлагъан, Эгоистинь сёзюдир») [1, с. 351]. В. Ткаченко отделяется от слов текста, тем самым приближаясь к смысловой структуре выражения в целом, стремясь сохранить «дух в ущерб букве» [5, с.265]. Невзирая на то, что в переводе неожиданно появились слова „в мій бік сичить”, есть все основания говорить о так называемой переводческой „интерпретации”, не противопоставленной понятию „перевод” и составляющей, по верному утверждению В.Комиссарова, „неотъемлемую часть переводческого процесса” [2, с. 19].

Заслуживает достойной оценки и работа В.Куринского. Так, в тонкой фонической организации стиха в стихотворении Э.Фазыла «Дві коліски» («Эки бешик») мы ощущаем интонацию, которая как бы подсказана системой доминантных нежных фонем: «Поряд колісь дві коліски стояли, – Рость коренилась **листя** **буяло**. Твій батько бажав мені **мужніх** **далей**, Мати моя твої коси **плекала**» («Эки бешик ян-янаша саллангъан, – Эки фидан тамыр аткъан, даллангъан, Бабанъ манъа эрлик ёлу адагъан, Анам сенинь сачларынъны тарагъан») [1, с.587]. Улавливая смысл и дух стихотворения, переводчик В. Куринский создаёт именно то впечатление «благодарного гимна» во славу материнства, которое составляет поэзию «Поклонения» («Седжде») у Э.Фазыла.

Метафора холода часто является отрицательным тропом у многих крымскотатарских мастеров слова. Как символ беды, одиночества она использована, например, у М.Аблялимова в стихотворении «Сагълыкълашмай къачты чечеклер» - «Не прощаючись, квіти втекли...» в переводе Д.Кулиняка: «Не натішившись сонцем, теплом, У калюжі трава скрижаніла. Все блищить, мов обсіпане кришеним склом, – Забіліли сніги, заболіли...» («Кунешнинъ ал нуруна тоймай Асретликте ёл четинде къакъ, Къатты ерге яйылгъан джамдай Къар тешельген, тарлалар ап-акъ») [1, с. 593], Д. Османа «Янгъызылыкъта»-, „У самотні ” в переводе С.Литвина: „Отут у краю снігопаду, Самотній до відчаю я: Ні моря, ні гір, ні цикади – Далеко Вітчизна моя” («Къар токътамай эп ягъа бере, Без чечеклерни къыдырам. Янгъызым мен бу сувукъ ерде...») [1, с. 727].

Существует мнение, что перевод обогащает воспринимающую литературу, творческий опыт и уроки мастерства усваиваются поэтами и переводчиками [3, с.18]. Переводчик же лишь в том случае может называться художником, если, проявив творческое отношение к оригиналу, побудит читателя почувствовать дух подлинника, «даст возможность ощутить чувства и мысли мастера слова, создавая при этом иллюзию первоизданности» [5, с.18]. Не что иное, как иллюзию, так как перевод «это искусство «вторичное», искусство перевыражения оригинала в материале другого языка» [3, с.52], где «перевыражение» должно подчиняться правилам, одно из которых по утверждению авторитетного теоретика перевода А. Фёдорова звучит «...перевести – значит верно и точно передать средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого...» [6, с.138].

Вывод и перспектива. Удачный перевод антологии крымскотатарской поэзии XIII – XX столетий «Окрушина сонця» («Кунештен бир парча») показал, что нет непереводаемых произведений, ибо каждый высокоразвитый язык – эффективное и действенное средство для передачи содержания в единстве с формой и возможностями другого языка.

Список литературы

- 1.Окрушина сонця. Антологія кримськотатарської поезії XIII –XX ст. Упорядники М.Мирошниченко, Ю.Кандим. – К.: 2003.– 792с.
- 2.Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация. Сборник: „ Тетради переводчика „ – Выпуск №19. – М.: изд-во „ Высшая школа”. – 1982.– С. 18 –20.
- 3.Бархударов Л.С. Что нужно знать переводчику? Сборник: „ Тетради переводчика”. – Выпуск № 15. – М.: изд-во „ Международные отношения”. – 978. – с.17–19.

4. Владимирова В.С. О специфике художественного перевода и его теории // Философские науки. – 1978. – № 5. – С.50 – 53.

5. Джусойты Н. Исправительный перевод? Ответ на открытое письмо Н. Мориц // Дружба народов. – 1979. – № 6. – С.263 – 266.

6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: „Высшая школа”. – 1983. – 217 с.

Сеферова Ф. А. Поетичний переклад і національна специфіка / Ф. А. Сеферова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 203-207.

В статті розглядаються особливості поетичного перекладу літературно-художнього видання „Окрушина сонця”. Поетичні твори подані в оригіналі та в перекладах українською мовою. Описана специфіка перекладу творів кримськотатарських поетів.

Ключові слова: кримськотатарська література, словесна творчість, специфічне злиття, символізація національних рефлексій.

Seferova F. A. Poetic translation and national specific (on material of Crimean Tatars poetry) / **F. A. Seferova** // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 203-207.

The article analyses the problems of translation in poetry. Given article offers the concept of interpretation based on translations of I.Franko, N.Miroshnichenko, and V.Lyahevich of Crimea Tatars poetry of XIII-XX c. Axiological aspect of Crimean Tatar's poetry is consecrated in the article.

Key words: Comparison, traditions, art, poetry, translation, translator, axiological aspect, interpreter.

Поступила в редакцію 01.09.2010 з.